

Сво газ. - 1991 - 13 ноября (№45) - с. 3.

Лит.

Владимир МОЛЧАНОВ: О СЕБЕ

— Мне 41 год. Окончил филологический факультет Московского университета по специальности голландский язык и литература. И сразу начал работать в Агентстве печати «Новости». Проработал там лет 14 — от стажера до обозревателя. Был собкором от АПН в Голландии. В январе 87-го по приглашению Леонида Кравченко пришел на Центральное телевидение, а с 7 на 8 марта этого же года уже вышел с программой «До и после полуночи». Женат, жена журналистка, дочке 10 лет.

...Я БЫЛ УВЕРЕН: ПУТЧИСТЫ ОБРЕЧЕНЫ

1. Безнравственно для тележурналиста, как и для любого журналиста, лгать согражданам, как это делали на протяжении долгого времени многие журналисты ЦТ (впрочем, не только ЦТ), начиная с Тбилиси и, условно говоря, заканчивая Вильнюсом. Во всяком случае, после вильнюсских событий я отказался вести программу «Время», считая это для себя безнравственным. Безнравственно для тележурналиста делать постановочные, срежиссированные репортажи, выдавая их за подлинные. Безнравственно для тележурналиста, с моей точки зрения, подыгрывая дурным вкусам толпы, показывать бесконечные трупы, отрезанные детские ноги и головы. Безнравственно накануне вильнюсской трагедии, зная, что действительно происходит в Вильнюсе, делать репортаж наподобие того, что передавал Дмитрий Бирюков. Безнравственно было, на мой взгляд, в период предвыборной кампании президента России задавать Ельцину заранее составленные вопросы, которые спустили сверху его противники. Я допускаю, что тележурналист также не симпатизировал Ельцину, но нельзя при этом вести себя в студии по-хамски, не давая человеку сказать слова, грубо перебивая его.

С другой же стороны, я не считаю безнравственным то, что сделали в дни путча, скажем, тот же Стефанов или Элин, которые вышли вести программу «Время». Видимо, это отвечало их воззрениям, их образу мышления, следовательно, это небезнравственно.

2. Считаю, что как журналист имею право любыми способами добывать информацию, если только я не преступаю каких-либо нравственных барьеров. Например, я ищу коллекцию Кёнингса, которую в годы войны гитлеровцы вывезли из Голландии, а потом наши вывезли уже из Германии и прячут до сих пор, так же как еще почти два миллиона трофейных произведений искусства. Я почти точно знаю, где находится коллекция Кёнингса. И совершенно не считаю безнравственным всеми правдами и неправдами все-таки найти ее и показать, несмотря на препоны, чинимые министром культуры Губенко и директором ГМИИ им. А. С. Пушкина Антоновой.

Вполне, к примеру, нравственно пробраться тайком в архивы, минуя всякие официальные инстанции, и подглядеть документы, которые говорят о том, куда и как переводила партия свои миллионы и миллиарды или как вел себя Комитет государственной безопасности, скажем, по отношению к тому же Сахарову. Таким образом я готов получать информацию.

Я был уверен: путчисты обречены с первых же минут переворота. Очень показательным для меня стал день, когда арестовали членов ГКЧП. Я понимал: то, что происходило, должно было остаться не только в газетах, журналах и книгах, но и в изобразительном материале. Вот почему в этот день я сделал все возможное и невозможное, чтобы оказаться не только у Крючкова и Язова, там, где они были арестованы, но и в кабинете председателя КГБ во время обыска. Возможно, я чуть сгу-

стил краски, рассказывая о волнениях в армии, по которой прокатился слух, будто бы Язову удалось бежать. И я на этом сыграл.

В то же время мне не нравятся передачи такие, как «Кремлевские жены», когда корреспондент, по-моему, из газеты «Правда», отправляется к женам гэкачепистов и сообщает телезрителям кучу интимных подробностей: в каких тренировочных штанах стоял Язов, когда он полюбил свою Лилю, и т. д.

Да и вообще — я совершенно не приемлю подглядывания «в замочную скважину» за чьей-то личной жизнью. Никогда не был сторонником показа личной жизни ни политиков, ни артистов.

3. Тележурналист должен иметь один критерий — представлять обе точки зрения. Но одни тележурналисты ведут авторские программы, другие — информационные.

Когда я вел «До и после полуночи» и программу «Время», то был, в общем, очень разный и в той, и в другой программе. Потому что во «Времени» обязан был говорить и о том, что считает Ельцин, и о том, как думает Полозков. Это совершенно нормально. Но взглядом, движением губ или выражением лица я выдавал какие-то свои привязанности и симпатии. Ну, а «До и после полуночи» — это была моя программа, это была моя позиция. Тележурналист обязан быть критически настроен по отношению к любой власти — будь это Горбачев или будь это Ельцин. Поддерживать любые разумные шаги этих людей и критиковать их недостатки.

4. Ничего плохого в тенденциозности телепередач нет. И вообще — что такое пропаганда? Это тенденциозный подбор фактов. И, естественно, «До и после полуночи» или же прямая противоположность этой передаче — «600 секунд» — тенденциозны. Саша Невзоров однозначно поддерживал те силы, которые сегодня проиграли (особенно в том, что касается Прибалтики). Те, кого поддерживал я, выиграли. Под тенденциозностью у Саши Невзорова, безусловно, всегда понимал его термин «наши». Для меня «наши» — это совсем другое, хотя, наверное, с чьей-то точки зрения также тенденциозно.

Тенденциозной всегда была допутчевская программа «Время». Но очень тенденциозными, как мне кажется, стали и послепутчевские передачи Российского телевидения, поющего осанну Ельцину. Я, находившийся в дни августовского путча в Белом доме, безумно уважаю политическое мужество Бориса Николаевича. Но не считаю, что он должен быть главным героем Российского телевидения — у России есть куда более серьезные проблемы, нежели создание образа Бориса Ельцина.

29 июня этого года я ушел с телевидения. Ушел с фильмом «Забой», который сделала наша группа «До и после полуночи» — о жизни шахтеров. Я не мог там больше оставаться, это было просто неприлично. После путча, в первый же день, когда Егор Яковлев был назначен председателем Гостелерадио, я получил от него приглашение вернуться. Меня приглашало и Российское телевидение. Но я хочу хоть какой-то остаток лет попытаться быть независимым

У барьера

1. ГДЕ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПРОХОДИТ ГРАНИЦА «НРАВСТВЕННО — БЕЗНАВРЕДНО» ДЛЯ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТА, ИСХОДЯ ИЗ СПЕЦИФИКИ ПРОФЕССИИ?

2. ЕСЛИ ПЕРЕД ВАМИ ВСТАНЕТ ПРОБЛЕМА: ПОЛУЧИТЬ НЕОБХОДИМУЮ ИНФОРМАЦИЮ, ПОДГЛЯДЕВ «В ЗАМОЧНУЮ СКВАЖИНУ», ИЛИ ОСТАТЬСЯ БЕЗ ОНОЙ, КАК ВЫ ПОСТУПИТЕ?

3. ВСЕГДА ЛИ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТИКА НАХОДИТСЯ В ОППОЗИЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВЛАСТЯМ, ИЗ КАКИХ КРИТЕРИЕВ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТ ДОЛЖЕН ПРИ ЭТОМ ИСХОДИТЬ?

4. ЧАСТО ГОВОРЯТ: ТЕЛЕПЕРЕДАЧА ТЕНДЕНЦИОЗНА. ЧТО ОЗНАЧАЕТ ЭТО ПОНЯТИЕ ДЛЯ ВАС, КАКИЕ ПЕРЕДАЧИ ТВ ВЫ СЧИТАЕТЕ ТЕНДЕНЦИОЗНЫМИ?

5. ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ЧТО ТАКОЕ ПРОВОКАЦИОННЫЙ МАТЕРИАЛ? ЧТО ОЗНАЧАЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В ПРИМЕНЕНИИ К ВАШЕЙ ПРОФЕССИИ?

6. СОГЛАСИЛИСЬ БЫ ВЫ ВЫСТУПИТЬ В ТЕЛЕПЕРЕДАЧЕ, КОТОРУЮ НЕ ПРИЕМЛЕТЕ, ПОЗИЦИЮ АВТОРОВ КОТОРОЙ НЕ РАЗДЕЛЯЕТЕ?

журналистом в этой стране. И именно поэтому ушел со своей телепередачей «До и после полуночи» в небольшую телекомпанию, которая называется «ТВ-прогресс». И с декабря мы собираемся выходить в эфир.

5. Провокационный материал для меня — это тот, который может вызвать волну насилия.

Я, безусловно, считаю провокационным материал Невзорова, касающийся «наших» в Литве и в Латвии, — к чему это привело, мы знаем. Я, безусловно, считаю провокационными материалы, которые шли из Тбилиси в апреле 1989-го. Это и есть психологический терроризм. Согласитесь, что те же материалы «600 секунд» сыграли не последнюю роль и оказали очень большую поддержку и литовским коммунистам, и нашим консервативно настроенным военным. К сожалению, из-за того, что наша страна совершенно не приучена жить в условиях демократии, психологический терроризм мы наблюдаем уже и со стороны тех, кто мнил себя демократами.

6. Да, безусловно, согласился бы, даже если она грязна политически. Ибо и эти передачи имеют своего зрителя. Я бы с удовольствием выступил в телепередаче общества «Память», организуй ее, скажем, Васильев. Для меня это была бы хорошая трибуна, причем трибуна прямая — дискуссия. Я бы непременно выступил здесь, чтобы люди могли услышать и другую точку зрения. Да и в «600 секундах» выступил бы. Надо сказать, что впервые во всесоюзный эфир Саша Невзоров вышел в... «До и после полуночи». Я предложил ему подключиться с «600 секундами» к эфиру в тот момент, когда буду вести свою передачу. Таким образом Александра Глебовича сразу узнала вся страна. Очень долгое время мы поддерживали друг друга. И вот тот вдруг крайне резкий перелом, который произошел с Сашей, меня, конечно, потряс. Я не стал уважать его меньше как репортера, но все остальное... Я бы очень хотел с ним поговорить откровенно, правда, не уверен, что он откровенно признается, почему с ним все это случилось. Невзоров не был таким. И дай Бог, чтобы он сам из всего этого выбрался.